

А.А. Санженяков

«ИСТИНА, КОТОРУЮ СОЗДАЮТ», ИЛИ ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ ПО ЭЛИЗАБЕТ ЭНСКОМ

Санженяков Александр Афанасьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии и права СО РАН. Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8; e-mail: sanzhenakov@gmail.com

В статье рассматривается специфика историко-философского подхода Э. Энском. Сначала представлены различные подходы к истории философии, затем приводятся краткие сведения об Энском как философе и как историке философии. В качестве парадигмальных примеров историко-философской работы Энском берутся ее статьи «Причинность и детерминизм» и «Практическая истина». Показано, что обращение к философии прошлого, и прежде всего к наследию Аристотеля, было не эпизодическим для Энском. В целом можно сказать, что историко-философские работы этого исследователя всякий раз были инспирированы теоретическими затруднениями современного философского контекста. Так, статья «Причинность и детерминизм» апеллирует к широкому кругу источников (Аристотель, Спиноза, Кант, Юм, Милль) с целью показать историю становления концепции причинности как необходимой связи событий, но решение проблемы предлагается уже с опорой на исследования старшего современника Энском – Б. Рассела. Особое место занимает Аристотель, опираясь на практическую философию которого Энском производит атаку на современные ей концепции. В частности, она критикует понятие «долг», указывает на ошибочное понимание практического силлогизма, вскрывает недостатки англо-американской концепции желаний. В заключительной части статьи дается краткое изложение анализа аристотелевского понятия «практическая истина» как истины, которую производит человек, действуя в соответствии с выбором и решением. Показательно, что, предлагая такую интерпретацию, Энском опирается в меньшей мере на филологический или контекстуальный анализ, но руководствуется скорее собственными интуициями.

Ключевые слова: история философии, рациональная реконструкция, Энском, Аристотель, практическая истина

Для цитирования: Санженяков А.А. «Истина, которую создают», или История философии по Элизабет Энском // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 2. С. 80–93.

Введение

Идеи античной философии всегда были неиссякаемым источником вдохновения для многих последующих поколений философов. Христианские теология, мыслители эпохи Возрождения, философы Нового времени – все они так или иначе обращались к Платону, Аристотелю и другим античным философам. Не является исключением и философия XX в. Несмотря на то, что во многом мыслители прошлого века старались порвать с предыдущей традицией (подвергали критике гегельянство, боролись с метафизикой, вступали в союз с наукой, чтобы противостоять схоластике), они сохранили связь с античной философией, пусть порой и через отрицание оной.

В этой статье нам хотелось бы рассмотреть интерпретацию некоторых идей Аристотеля в философии Э. Энском. Прежде всего нас будут интересовать этические вопросы и тема практического разума. Параллельно мы намерены поговорить об историко-философском подходе Энском в целом. Сначала мы кратко представим базовые подходы к истории философии, затем обозначим роль Энском как философа и как историка философии, далее обратимся к центральной теме статьи – интерпретации аристотелевской этики Энском.

Виды истории философии

О методологии истории философии сказано уже немало¹. В самом общем виде все множество вариантов методологии в данной области можно разделить на две большие группы – философские и исторические. В рамках первой группы исследователи делают акцент именно на теоретическом, идейном содержании историко-философского наследия. Историк философии из второй группы интересуется прежде всего историческим смыслом высказываний философа прошлого, поэтому здесь не так важна связь этих идей с философией настоящего. Р. Рорти назвал два эти подхода рациональной и исторической реконструкцией. Представители рациональной реконструкции (по преимуществу аналитические философы) пытаются сделать философов прошлого «своими современниками, коллегами, с которыми они могли бы обмениваться взглядами»². Историческая реконструкция своей главной задачей видит воссоздание первоначального образа мыслей философов прошлого, переход на их язык. В то же время этот пуризм нарушается в дисциплинарном плане, поскольку в стремлении приблизиться к исторической истине представители этого подхода прибегают к методологии других наук. «Сторонники исторической реконструкции ориентируются на конкретно-научную методологию, однако, зачастую прибегают к услугам методологии смежных наук: филологии, объектом изучения которой является текст, и истории, поскольку она имеет дело с прошлым, социологии истории

¹ Из последних книг на русском языке мы можем посоветовать недавно опубликованный сборник переводных статей по проблемам истории философии (Философия и ее история. Дискуссии. Новосибирск, 2021), под обложкой которого собраны исследования М. Фреде, Р. Уотсона, Э. Кенни, И.Ш. Зарка, А. Макинтайра, Дж. Йолтона, Г. Хэтфилда.

² Рорти Р. *Историография философии: четыре жанра* // Джохадзе И.Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти. М., 2001. С. 180.

философии, т.к. нужно оценить социальные параметры контекста возникновения тех или иных учений и пр.»³ Историческая реконструкция имеет свои плюсы. «Основная причина того, что мы хотим иметь историческое знание о том, что прошедшие перекавалификацию примитивные люди или же философы и ученые прошлого могли бы сказать друг другу, состоит в том, что это знание помогает нам осознать существование других форм интеллектуальной жизни, нежели наша собственная»⁴. Таким образом, по мнению Рорти, у каждого подхода есть свои достоинства и недостатки. «Нет ничего ошибочного в употреблении словаря современной философии для описания теорий наших предшественников. Но есть резоны и для описания предшественников в их собственных терминах. Полезно воссоздать интеллектуальную обстановку, в которой предшествующие мыслители жили их собственной жизнью, в частности действительные и вымышленные разговоры, которые они могли бы вести со своими современниками (или почти современниками). Иногда целесообразно знать, как говорили люди, которые не знали столько, сколько знаем мы, и знать это достаточно детально, чтобы мы могли сами вообразить себя говорящими на этом вышедшем из употребления языке»⁵. В конечном итоге связь историко-философского исследования с реалиями настоящего, видимо, неустраима, а свою ценность эта работа приобретает прежде всего благодаря глубокому проникновению в идеи, высказанные за много сотен лет до сегодняшнего дня, которые остаются по разным причинам актуальными до сих пор.

Энском как философ и историк философии

Гертруда Элизабет Маргарет Энском (1919–2001) – британский философ, в сферу интересов которого входили такие дисциплины, как философия сознания, философия действия, логика, философия языка и этика. Большое влияние на нее оказал Л. Витгенштейн, переводчиком чьих книг на английский язык она выступила. Также Энском известна тем, что ввела в философский словарь новый термин – «консеквенциализм» и стала одним из реаниматоров этики добродетели. Еще подростком она обратилась в католическую веру и на протяжении всей жизни оставалась верна этой конфессии. Вне академических кругов она прославилась своими консервативными взглядами на семью и брак, полемическими высказываниями против контрацепции и открытым выступлением против решения Оксфордского университета присвоить почетную степень Гарри Трумэну, которого она считала массовым убийцей, поскольку именно он принял решение об атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки.

Философский метод Энском основывается на тщательной работе с языком. Так, в исследовании феномена человеческого намерения она отказывается идти по пути психологического постижения внутреннего мира человека, полагая этот метод эвристически несостоятельным, но обращается к устойчивым языковым выражениям, через которые манифестируются намерения.

³ Вольф М.Н. Дискуссии об истории философии: XX век // История и философия науки в эпоху перемен: в 6 т. Т. 5. М., 2018. С. 26.

⁴ Рорти Р. Историография философии: четыре жанра. С. 181.

⁵ Там же.

Ее книга «О намерении» до сих пор считается важной вехой в философии действия. Столь же большое влияние в этике имеет ее статья «Современная моральная философия» (на английском языке опубликована в 1958 г., на русском – в 2008 г.).

К проблемам исторической достоверности Энском обращается в статье «Юм и Юлий Цезарь»⁶. Специфика исторической дисциплины заключается в том, что она рассматривает и реконструирует факты прошлого (чаще всего весьма отдаленного), поэтому ее предмет выходит за рамки нашего собственного опыта и находится вне рамок индивидуальной памяти. Упомянутая статья начинается с цитаты из «Трактата...» Юма: «Делая из причин вывод о действиях, мы должны установить существование этих причин, а это мы можем сделать лишь двумя способами: либо с помощью непосредственного восприятия нашей памятью или нашими чувствами, либо с помощью вывода из других причин; последние мы должны установить точно таким же образом: или с помощью наличного впечатления, или с помощью вывода из причин *этих* причин и т.д. до тех пор, пока мы не дойдем до какого-либо объекта, который видим или вспоминаем. Мы не можем продолжать свои выводы *in infinitum*; но единственное, что может положить им конец, – это впечатление памяти или чувств, за пределами которых уже нет места сомнениям и вопросам»⁷. В качестве примера Юм приводит историческое событие – убийство Юлия Цезаря в сенате в мартовские иды. Наша вера в этот исторический факт основывается на единогласном мнении историков, которые, в свою очередь, опираются на достоверные свидетельства других лиц и так далее до тех пор, пока мы не дойдем до очевидцев этого события. Главным источником этой цепочки свидетельств выступают наши память и чувства, поскольку именно благодаря им мы распознаем печатные знаки, сообщающие нам об историческом событии. Без этого восприятия наши рассуждения о прошлом были бы «химерическими»⁸.

Энском замечает, что если рассматривать рассуждение Юма поверхностно, то оно выглядит вполне приемлемым, но при ближайшем рассмотрении оно рассыпается. Для Юма важно указать итоговую точку причинно-следственной цепи событий, и эта точка должна быть связана с нашим собственным впечатлением как наиболее достоверным свидетельством. Энском возражает, что логичнее было бы видеть эту итоговую (точнее, начальную) точку в самом историческом событии, в данном случае – в убийстве Юлия Цезаря. Но главный ее тезис заключается в том, что в исторической дисциплине мы не столько ищем доказательства в учебниках и источниках, сколько обнаруживаем некоторые очевидные события, которые считаем основополагающими и которые можем подвергнуть лишь декартовскому сомнению.

Если перейти от истории как таковой к истории философии, то мы увидим, что, с одной стороны, Энском очень активно проводила исследования в этой области (Парменид, Диодор Кронос, Платон, Аристотель, Фома Аквинский, Дэвид Юм – вот несколько персонажей из истории философии, к которым она обращалась), с другой стороны, мы не найдем никаких методологических заметок о том, каким образом следует вести изыскания в данной

⁶ *Anscombe G.E.M.* The Collected Philosophical Papers. Vol. 1: From Parmenides to Wittgenstein. Oxford, 1981. P. 86–92.

⁷ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 139.

⁸ Там же. С. 140.

области. Если мы откроем книгу «Собрание философских статей Э. Энском. От Парменида до Витгенштейна», где собраны статьи, так или иначе связанные с историко-философскими персоналиями, то увидим, что ни в одной включенной в этот том работе Энском не делает каких-либо предуведомлений, из которых мы могли реконструировать представление об истории философии. В связи с этим нам следует рассмотреть историко-философские работы Энском, чтобы понять ее методологические установки в этом направлении.

Очевидно, Энском не была сторонницей антикварного подхода: она проводит параллели между теорией идей Платона и современной логикой классов⁹ (не забывая указать и на их различия), а также намеренно заменяет платоновское понятие «вид» (εἶδος) на более актуальное для нее понятие «тип»¹⁰. Однако это не означает, что Энском разделяла подход рациональной реконструкции, в задачи которой входит перенесение философских идей в современный контекст и включение философов прошлого в дискуссии наших дней. Об этом говорит ее скрупулезная текстологическая работа над «Федоном» и «Государством», а для разъяснения некоторых понятий, используемых Аристотелем в обсуждении проблемы истинности высказываний о будущих контингентных событиях, она обращается к «Никомаховой этике». В то же время Энском с сожалением отмечает, что порой одной грамматики древнегреческого языка недостаточно, чтобы понять такие философские выражения, как «τὸ τί ἦν εἶναι»¹¹. Внимание к языку первоисточника и настоятельные попытки прояснить смысл отдельных слов и предложений с помощью контекста, но вместе с тем активное привлечение логического аппарата для анализа философских текстов прошлого – все это характеризует Энском как историка философии, занимающего срединную позицию в методологическом споре между сторонниками исторической реконструкции и поборниками рациональной реконструкции. Обратимся к отдельным примерам.

Начнем с инаугурационной речи «Причинность и необходимость», которую Энском прочла в 1971 г. в Кембриджском университете. Первая часть представляет собой историко-философский экскурс. Энском обращается к Аристотелю, Спинозе, Канту, Юму, Миллю, чтобы показать, что в философии давно и плотно утвердилось мнение о связи причинности и необходимости. Затем она обращается к старшему коллеге (тогда уже покойному) Б. Расселу и его статье «Понятие причины», в которой он иронично замечает, что представление о причинности выжило до сих пор лишь потому, что оно ошибочно считалось, как и монархия, безвредным. Философы продолжают считать, что причинность является необходимым элементом научного мышления, в то время как даже в передовых науках (например, в гравитационной астрономии) это понятие не используется. Более того, физики не ищут причин, потому что их не существует¹². Рассел видит выход из сложившейся проблемной ситуации в переходе на язык математики. «Постоянство научного закона состоит не в единообразии (sameness) причин и следствий, а в единообразии отношений. И даже “единообразие отношений” – это

⁹ Anscombe G.E.M. The Collected Philosophical Papers. Vol. 1. P. 11–12.

¹⁰ Ibid. P. 9.

¹¹ Ibid. P. 61.

¹² Russell B. On the notion of cause // Russell B. Mysticism and Logic, and Other Essays. L., 1918. P. 180.

слишком простое словосочетание; «единообразие дифференциальных уравнений» – единственно верное словосочетание. Невозможно точно сформулировать это на нематематическом языке»¹³. Подвергая понятие причинности сомнению, Рассел оставляет связь причинности с универсальностью, что не устраивает Энского. И поэтому она переходит к более активной атаке на это устоявшееся понятие.

Энском полагает, что неправильно связывать понятие причины с необходимостью или универсальностью. Так как нам проще проследить путь от следствия до причины, чем предугадать, какое следствие произведет та или иная причина, то мы зачастую не знаем, существует ли без каких-либо исключений обобщение, которое позволило бы нам предугадать, какое следствие произведет причина. Из этого ясно, что нам неизвестно, существует ли необходимая связь между причиной и следствием. Далее Энском переходит к примеру с доской Гальтона¹⁴. Энском задается вопросом, что если смотреть не на множество шариков, которое неизменным образом (т.е. с необходимостью) будет распределяться примерно одинаково, а сосредоточиться на одном-единственном шарике? Будет ли его попадание в ту или иную ячейку необходимостью? Механика Ньютона заставляет нас принять необходимость результирующего местоположения каждого шарика. Тем не менее, замечает Энском, «никто не смог бы определить место покоя шарика – из-за неопределенности, которую мы имеем даже в механике Ньютона, возникающей из-за конечной точности измерений»¹⁵.

Приведенный пример позволяет нам сделать вывод, что Энском апеллирует к историко-философскому материалу, чтобы обнаружить истоки устоявшейся концепции, а проблематизирует эту концепцию уже с помощью современного ей философского контекста. Решение поставленной проблемы происходит вне обращения к истории философии. Недостатком этого подхода является его избирательность: исследователь учитывает лишь те теории, которые свидетельствуют в пользу связи причинности и необходимости, но при этом игнорирует те философские подходы, которые не связывают причинность с необходимостью (например, случайная причинность у Аристотеля не связана с необходимостью¹⁶).

¹³ *Russell B.* On the notion of cause. P. 195.

¹⁴ Доска Гальтона – это специальное устройство (ящик с прозрачной передней стенкой), призванное продемонстрировать нормальное (гауссово) распределение, в котором шарики загружаются в специальную воронку и при падении вниз встречают на своем пути расположенные в шахматном порядке препятствия, ударившись о которые с равной вероятностью могут отскочить влево или вправо. В результате все множество шариков распределяется на дне ящика (в специальных вертикальных ячейках) таким образом, что наибольшее количество находится в центре (под загрузочной воронкой), а наименьшее – по краям.

¹⁵ *Anscombe G.E.M.* Metaphysics and the Philosophy of Mind: Collected Philosophical Papers. Vol. 2. Minneapolis, 1981. P. 139.

¹⁶ Аристотель называет случай «причиной по совпадению»: «...самопроизвольность и случай – причины таких [событий], для которых причиной может быть разум или природа, когда какая-либо из них становится причиной по совпадению» (*Аристотель.* Физика // *Аристотель.* Сочинения: в 4 т. Т. 3. М., 1981. С. 95). В «Метафизике» сказано, что «для случайного нет никакой определенной причины, а есть какая попадет, т.е. неопределенная» (*Аристотель.* Метафизика // *Аристотель.* Сочинения: в 4 т. Т. 1. М., 1976. С. 64–367).

Аристотель и его этика глазами Энском

Прежде всего Энском фиксирует для себя разительное отличие философской парадигмы Аристотеля от той философской атмосферы, которой она привыкла «дышать». «Любой, кто прочел *Этику* Аристотеля и ознакомился с современной моральной философией, должен быть поражен тем, насколько сильно они отличаются друг от друга»¹⁷. Казалось бы, это различие может послужить основанием для забвения философских идей Аристотеля. Однако, как показывает опыт (в том числе и опыт Энском), интеллектуальная чуждость идей не всегда является поводом для признания их бесполезности. Напротив, именно инаковость порой может стать триггером развития.

Хотя «современные философы морали уделяют главное внимание темам, которые Аристотель, похоже, не рассматривал или не придавал им большого значения, либо только подразумевал»¹⁸, Энском обращается к этике Аристотеля с завидной регулярностью. В знаменитой статье «Современная философия морали» она использует наследие Аристотеля не только для демонстрации того, насколько философия прошлого отличается от современных ей философских теорий, но и для того, чтобы обрести точку опоры в противостоянии так называемым законническим концепциям этики. Фигура Аристотеля здесь крайне важна для Энском, поскольку именно пример Аристотеля позволяет ей заключить, что «можно создать этику, не прибегая к понятию морального долженствования»¹⁹.

В монографии «Намерение» Энском также использует некоторые концепции Аристотеля. В частности, ее интересует практический силлогизм. Как отмечается исследователями, этот интерес Энском не является примером предприятия в духе истории идей: она не пытается проследить традицию и не ставит своей целью обнаружение в философии прошлого концепций, которые предвосхитили современные философские идеи²⁰. Главная причина, почему Энском обращается к практическому силлогизму Аристотеля, заключается в том, что ей необходимо найти противоядие от современных философов с их «неисправимо созерцательной концепцией знания»²¹. Проблема современной философии в том, что в ней по умолчанию предполагаются два вида знания: практическое и теоретическое, и, следуя ошибочной логике, что объекты знания одинаковы в обоих случаях, современные философы «безнадежно ищут иной образ умозрительного знания в действиях»²². Иначе говоря, практическое знание подгоняется под лекала теоретического, и тем самым его специфика теряется. Неясны не только интерпретации практического силлогизма современными философами, но и его первоначальное, аристотелевское понимание. Так, первая универсальная посылка является, по мнению Энском, «безумной», поскольку представляет собой безусловный императив, который не учитывает множество обстоятельств, в которых будет совершаться действие.

¹⁷ Энском Э. Современная философия морали // Логос. 2008. № 2 (64). С. 70.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 79.

²⁰ Mothersill M. Anscombe's Account of the Practical Syllogism // The Philosophical Review. 1962. Vol. 71. No. 4. P. 448.

²¹ Anscombe G.E.M. Intention. Cambridge, 2000. P. 57.

²² Ibid.

Разнообразие интерпретаций понятия «практическая истина»

Другой не менее важной темой, к которой обращается Эנסком, является аристотелевское понятие практической истины. Сам Аристотель упоминает его буквально единожды в «Никомаховой этике», но неоднозначность этого фрагмента стала причиной появления большого числа комментариев (вот некоторые авторы, высказавшие свою точку зрения: Г. Лир, С. Броуди, К. Роуви, Дж. Барнз, Э. Кенни, М. Пакалук, К. Олферт, Е.В. Орлов)²³. Герменевтическая сложность этого небольшого фрагмента, по сути, произрастает из банальной недосказанности. Приведем определение практической истины и контекст, в котором это понятие возникает:

ἔστι δ' ὁπερ ἐν διανοίᾳ κατάφασις καὶ ἀπόφασις, τοῦτ' ἐν ὁρέξει δίωξις καὶ φυγή· ὥστ' ἐπειδὴ ἡ ἠθικὴ ἀρετὴ ἕξις προαιρετικὴ, ἡ δὲ προαίρεσις ὄρεξις βουλευτικὴ, δεῖ διὰ ταῦτα μὲν τὸν τε λόγον ἀληθῆ εἶναι καὶ τὴν ὄρεξιν ὀρθήν, εἴπερ ἡ προαίρεσις σπουδαία, καὶ τὰ αὐτὰ τὸν μὲν φάναί τὴν δὲ διώκειν.

αὕτη μὲν οὖν ἡ διάνοια καὶ ἡ ἀλήθεια πρακτικὴ· τῆς δὲ θεωρητικῆς διανοίας καὶ μὴ πρακτικῆς μηδὲ ποιητικῆς τὸ εὖ καὶ κακῶς τάληθές ἐστι καὶ ψεῦδος (τοῦτο γάρ ἐστι παντὸς διανοητικοῦ ἔργον)· τοῦ δὲ πρακτικοῦ καὶ διανοητικοῦ ἀλήθεια ὁμολόγως ἔχουσα τῇ ὁρέξει τῇ ὀρθῇ (EN 1139a, 20–31).

Далее, что для мысли утверждение и отрицание, то для стремления преследование и бегство. Таким образом, если нравственная добродетель – это устои, которые избираются нами сознательно, а сознательный выбор – это стремление, при котором принимают решения, то суждение должно быть поэтому истинным, а стремление правильным, коль скоро и сознательный выбор добропорядочен и [суждение] утверждает то же, что преследует стремление.

Итак, мысль и истина, о которых идет речь, имеют дело с поступками, а для созерцательной мысли, не предполагающей ни поступков, ни созидания-творчества, добро и зло – это соответственно истина и ложь; ибо это – дело всего мыслящего, дело же части, предполагающей поступки и мыслительной, – истина, которая согласуется с правильным стремлением²⁴.

Формулировка «истина, которая согласуется с правильным стремлением» звучит загадочно, потому что применительно к истине мы привыкли говорить о согласовании наших суждений (представлений или интенциональных предметов) с объективной реальностью, а здесь речь идет о том, что сама истина согласованность имеет (ὁμολόγως ἔχουσα) с правильным стремлением. Исследователи делятся на два лагеря: тех, кто пытается усмотреть в этом рассуждении Аристотеля продуманную теорию практической истины (Э. Эנסком, С. Броуди и К. Роуви²⁵), и тех, кто отказывается признавать серьезный теоретический статус данного фрагмента, полагая, что сам Аристотель не разрабатывал понятие практической истины и что позже это понятие было приписано ему комментаторами (Дж. Барнз и Э. Кенни).

С. Броуди предлагает понимать практическую истину как согласие мыслей и желаний: «...мысль определяет конкретное действие как такое, которое

²³ Ранее история этого вопроса рассматривалась в статье: Санжениаков А.А. Две истины Аристотеля и теория интенциональности Дж. Сёрля // Южный Полус. Исследования по истории современной западной философии. 2016. Т. 2. № 1–2. С. 39–47.

²⁴ Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 173–174.

²⁵ Broadie S., Rowe C. Aristotle: Nicomachean Ethics. Translation, Introduction and Commentary. Oxford, 2002. P. 362.

следует совершить, а элемент, связанный со стремлением, представляет собой добровольное принятие того, что было определено. Таким образом, мысль и стремление вместе утверждают предписание: мысль утверждает его в ответ на запрос стремящейся части в руководстве, а стремление утверждает его посредством принятия»²⁶. Г. Лир склоняется к тому, что практическая истина состоит в правильности наших стремлений, решений или же действий: «Усвоить практическую истину – то есть действительно обладать ею, а не только быть способным иметь ее – это значит правильно выбирать, стремиться и действовать»²⁷. М. Пакалук утверждает, что практическая истина есть истина суждений²⁸. Е.В. Орлов предлагает понимать под практической истиной истину рассудительности и приходит к выводу, что эта истина «есть согласование правильного стремления с правильным логосом на основании доброго решения»²⁹. По сути, речь идет о согласованности нескольких инстанций, участвующих в процессе осуществления действия. К. Олферт также полагает, что в исследуемом фрагменте речь идет о рассудительности. По ее мнению, «истина, которая согласуется с правильным стремлением» – это не дефиниция практической истины, но лишь дескрипция практической мудрости (т.е. рассудительности)³⁰. При этом К. Олферт полагает, что «практическая истина отличается от прочих видов истин тем, что находится в особом рода отношениях со стремлением. В целом, практическая истина получает статус истины посредством тех же вещей, посредством которых стремление становится правильным. Вероятно, для Аристотеля, все стремления и решения являются правильными, когда они направлены на то, что является безоговорочным благом для нас или, по крайней мере, на то, что является таковым для определенного человека, в конкретное время в конкретной ситуации. Таким образом, практическая истина есть истина относительно того, что является безусловным благом для конкретного человека, когда принимаются во внимание все конкретные обстоятельства»³¹. Перечисленные интерпретации призваны показать неоднозначность понимания рассматриваемого нами понятия.

Энском о понятии «практическая истина»

Свой анализ аристотелевского определения практической истины Энском начинает с того, что на время опускает слово «правильное», оставляя лишь «истину, согласную со стремлением». В таком виде, полагает Энском, речь идет о банальном стремлении волевого агента подстроить мир под себя: «...вещи существуют так, как того хочет желающий». Она приводит в пример строчки из Омара Хайяма, в которых он (или его переводчик, английский поэт XIX в. Эдвард Фицджеральд) говорит о стремлении «полностью разрушить

²⁶ *Broadie S.* Ethics with Aristotle. N.Y., 1991. P. 220.

²⁷ *Lear G.R.* Happy Lives and the Highest Good: An Essay on Aristotle's Nicomachean Ethics. Princeton, 2004. P. 102.

²⁸ *Pakaluk M.* The Great Question of Practical Truth, and A Diminutive Answer // *Acta Philosophica*. 2010. No. 19. P. 145–160.

²⁹ *Орлов Е.В.* Философский язык Аристотеля. Новосибирск, 2011. С. 83.

³⁰ *Olfert C.M.M.* Aristotle's Conception of Practical Truth // *Journal of the History of Philosophy*. 2014. Vol. 52. No. 2. P. 208.

³¹ *Ibid.* P. 206.

этот печальный порядок вещей» и «переделать его ближе к желанию сердца» («to break this sorry scheme of things entire» and «remake it nearer to the heart's desire»). Если «истина, согласная со стремлением» заключается в изменении окружающего мира под нужды и желания агента, то что изменится, если в эту формулировку снова добавить правильность? «Истина в соответствии с правильным стремлением» тогда будет означать, что «вещи (то есть все то, что способно вызывать действие) осуществляются в согласии с правильным стремлением». Мы спрашиваем: «В согласии с *какого рода* правильностью?» Это должна быть правильность «правильного стремления» в решении агента, когда это решение является разумным. Это решение, как утверждал Аристотель, должно заключаться в том, на что указывает истинное мышление»³². Дальнейшее уточнение приводит к заключению, что правильное стремление заключается в стремлении к благополучению в поступке (εὐπραξία), т.е. чтобы сам поступок (а не его результат) заключал в себе благо. В этом месте Эанском переходит к проблеме целей и средств в античной философии. Согласно Аристотелю, мы выбираем не цели, но лишь средства для их достижения. «Поскольку целей несколько, а мы выбираем из них какую-то определенную (например, богатство, флейты и вообще орудия) как средство для другого, постольку ясно, что не все цели конечны, [т.е. совершенны]»³³. Это рассуждение нужно Эанском для того, чтобы на его фоне яснее выделялись недостатки современной англо-американской концепции желания, которую она называет «монолитной концепцией желания, или стремления, или воли»³⁴. Согласно этой простоватой концепции, мы можем понять, к чему стремится агент, просто наблюдая за его действиями. «По тому, что вы делаете, легко увидеть, чего вы хотите»³⁵. Однако этот подход явно не учитывает всего жизненного разнообразия, при котором нам приходится ставить цели и действовать. Античные философы смотрели на эти вещи более утонченно, полагает Эанском. «Как можно желать не получить то, что вы хотите, точно так же можно верить, что не все, во что вы верите, является правдой»³⁶. Иначе говоря, существуют различные уровни желаний и верований, при этом некоторые из них касаются не предметов веры и стремления, но самих верований и стремлений и могут идти с ними вразрез. Нечто подобное мы видим в той части этики Аристотеля, где различаются цели-средства и конечные цели: «Цель, которую преследуют саму по себе, мы считаем более совершенной, чем та, [к которой стремятся как к средству] для другого, причем цель, которую никогда не избирают как средство для другого, считаем более совершенной, чем цели, которые избирают (как) сами по себе, так и в качестве средств для другого, а безусловно совершенной называем цель, избираемую всегда саму по себе и никогда как средство. Принято считать, что прежде всего такой целью является счастье»³⁷.

Возвращаясь к понятию практической истины, Эанском, по сути, заявляет, что истина такого порядка состоит в согласовании суждений относительно

³² Anscombe G.E.M. Practical Truth // Logos: A Journal of Catholic Thought and Culture. 1999. Vol. 2. No. 3. P. 72.

³³ Аристотель. Никомахова этика. С. 62.

³⁴ Anscombe G.E.M. Practical Truth. P. 73.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

³⁷ Аристотель. Никомахова этика. С. 62.

того, что следует делать, стремления делать это и самого действия. В качестве примера практической лжи она приводит случай *акрасии* (слабости воли), когда агент знает, как правильно поступить, и желает этого, но в силу того, что его страсти слишком сильны, не делает этого. Подводя итоги своего рассмотрения, Энском заключает, что практическая истина у Аристотеля – это «истина, которую производит человек, действуя в соответствии с выбором и решением (truth that one produces in acting according to choice and decision)»³⁸. Энском замечает, что у читателя может возникнуть недоумение относительно того, что истина *производится* или *делается*. Однако, с ее точки зрения, здесь нет ничего необычного: мы можем помыслить, что некто совершает или производит p , и вместе с тем мы понимаем, что p эквивалентна самой себе (это истина, что $p \equiv p$). Следовательно, истина, которая производится человеком, – вполне осмысленное высказывание.

Следует отметить, что своим прочтением Энском вносит чрезмерный субъективизм в понятие практической истины. Если последовать ее интерпретации, то добродетельный человек обладает практической истиной в том смысле, что делает мир таким, каким он желал бы его видеть. Сложно спорить с тем, что фигура достойного человека в этике Аристотеля играет определяющую роль, выступая мерилom для нравственно-правильных поступков. «[П]оступки называются правосудными и благоразумными, когда они таковы, что их мог бы совершить благоразумный человек, а правосуден и благоразумен не тот, кто [просто] совершает такие [поступки], но кто совершает их так, как делают это люди правосудные и благоразумные»³⁹. Поскольку базовым смыслом метриопатии является поиск середины между избытком и недостатком, постольку для каждого человека золотая середина индивидуальна. Но этика Аристотеля также имеет довольно сильный объективистский посыл: добродетельный человек обязан считаться с условиями, в которых совершается поступок. Как конституция тела и ежедневная активность объективным образом предопределяют план питания, так и индивидуальные склонности определяют должную середину в переживании удовольствий и страстей: «...если пищи на десять мин много, а на две – мало, то наставник в гимнастических упражнениях не станет предписывать питание на шесть мин, потому что и это для данного человека может быть [слишком] много или [слишком] мало. Для Милона этого мало, а для начинающего занятия – много. Так и с бегом и борьбой. Поэтому избытка и недостатка всякий знаток избегает, ища середины и избирая для себя [именно] ее, причем середину [не самой вещи], а [середину] для нас»⁴⁰.

Заключение

Итак, мы рассмотрели некоторые историко-философские примеры из наследия Э. Энском. Можно заключить, что интерес к философии прошлого у этого исследователя носит далеко не эпизодический характер. При этом обращение к истории философии не было праздным, но всякий раз было вызвано потребностью корректировки современных философских концепций

³⁸ Anscombe G.E.M. Practical Truth. P. 74.

³⁹ Аристотель. Никомахова этика. С. 83.

⁴⁰ Там же. С. 85–86.

через их интерпретацию с новой точки зрения. В большинстве своем методы, используемые Эנסком, скорее напоминают рациональную реконструкцию: если сначала она аккуратно ссылается на первоисточники, то после того, как была поставлена проблема и прослежена история ее становления, решение дается в отрыве от исторического контекста, в котором она зародилась. В итоге такой подход оказывается довольно продуктивным: философские идеи прошлого получают второе дыхание, а современный философский контекст теряет свою кажущуюся однозначность. В случае с аристотелевским понятием практической истины мы видим похожую ситуацию. С одной стороны, в уже сложившемся многообразии интерпретаций был добавлен новый элемент (было предложено говорить о практической истине как о том, что *создается* или *делается* человеком), с другой стороны, благодаря этому понятию стало ясно, что современные концепции желания или стремления слишком упрощенно толкуют волевою составляющую человеческого бытия.

Список литературы

- Аристотель*. Метафизика / Пер. с древнегреч. М.И. Иткина // *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 64–367.
- Аристотель*. Никомахова этика / Пер. с древнегреч. Н.В. Брагинской // *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 53–293.
- Аристотель*. Физика / Пер. с древнегреч. В.П. Карпова // *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. С. 58–262.
- Вольф М.Н. Дискуссии об истории философии: XX век // История и философия науки в эпоху перемен: в 6 т. Т. 5 / Науч. ред. и сост. И.Т. Касавин, Т.Д. Соколова, Н.С. Автономова и др. М.: РОИФН, 2018. С. 24–27.
- Орлов Е.В. Философский язык Аристотеля. Новосибирск: СО РАН, 2011. 317 с.
- Рорти Р. Историография философии: четыре жанра / Пер. с англ. И.Д. Джохадзе // *Джохадзе И.Д.* Неопрагматизм Ричарда Рорти. М.: УРСС, 2001. С. 180–198.
- Санжениаков А.А. Две истины Аристотеля и теория интенциональности Дж. Сёрля // Южный Полос. Исследования по истории современной западной философии. 2016. Т. 2. № 1–2. С. 39–47.
- Философия и ее история. Дискуссии / Сост., введ. ст., пер. и коммент. М.Н. Вольф. Новосибирск: Офсет ТМ, 2021. 239 с.
- Энском Э. Современная философия морали / Пер. с англ. А.З. Черныяка; под ред. П.С. Куслия // *Логос*. 2008. № 2 (64). С. 70–91.
- Юм Д. Трактат о человеческой природе / Пер. с англ. С.И. Церетели // *Юм Д.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1996. С. 53–326.
- Anscombe G.E.M.* The Collected Philosophical Papers. Vol. 1: From Parmenides to Wittgenstein. Oxford: Blackwell, 1981. 141 p.
- Anscombe G.E.M.* Metaphysics and the Philosophy of Mind: Collected Philosophical Papers. Vol. 2. Minneapolis: University of Minnesota, 1981. 239 p.
- Anscombe G.E.M.* Intention. Cambridge: Harvard University Press, 2000. 94 p.
- Anscombe G.E.M.* Practical Truth // *Logos: A Journal of Catholic Thought and Culture*. 1999. Vol. 2. No. 3. P. 68–75.
- Broadie S.* Ethics with Aristotle. N.Y.: Oxford University Press, 1991. 462 p.
- Broadie S., Rowe C.* Aristotle: Nicomachean Ethics. Translation, Introduction and Commentary. Oxford: Oxford University Press, 2002. 480 p.
- Lear G.R.* Happy Lives and the Highest Good: An Essay on Aristotle's Nicomachean Ethics. Princeton: Princeton University Press, 2004. 238 p.
- Mothersill M.* Anscombe's Account of the Practical Syllogism // *The Philosophical Review*. 1962. Vol. 71. No. 4. P. 448–461.

- Olfert C.M.M. Aristotle's Conception of Practical Truth // *Journal of the History of Philosophy*. 2014. Vol. 52. No. 2. P. 205–231.
- Pakaluk M. The Great Question of Practical Truth, and A Diminutive Answer // *Acta Philosophica*. 2010. No. 19. P. 145–160.
- Russell B. On the notion of cause // *Russell B. Mysticism and Logic, and Other Essays*. L.: Longmans, Green and Co., 1918. P. 180–208.

“Truth that one produces” or the history of philosophy by Elizabeth Anscombe

Alexander A. Sanzhenakov

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science. 8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: sanzhenakov@gmail.com

The article deals with the specifics of Elizabeth Anscombe's approach to the history of philosophy. First, the author presents various approaches to the history of philosophy, and then gives a brief introduction of Anscombe as a philosopher and as a historian of philosophy. Her articles “Causality and Determinism” and “Practical Truth” are discussed as paradigmatic examples of Anscombe's works on the history of philosophy. These examples show that Anscombe's appeal to the philosophy of the past, and especially to the legacy of Aristotle, was not episodic. The reason for her turning to the history of philosophy were always caused by theoretical difficulties in the contemporary philosophical context. For instance, the article “Causality and Determinism” appeals to a wide range of sources (Aristotle, Spinoza, Kant, Hume, Mill) in order to show the history of the formation of the concept of causality as a necessary connection of events, but Anscombe looks for a solution to the problem in the works of her older contemporary B. Russell. Especially often, Anscombe turns to Aristotle's practical philosophy, with the help of which she attacks contemporary concepts. In particular, she criticizes the concept of “moral obligation”, points at an incorrect understanding of the “practical syllogism”, reveals the shortcomings of the Anglo-American concept of desire. In the end, the author of the article offers a brief retelling of the analysis of the Aristotelian concept of “practical truth”, which Anscombe proposes to understand as “the truth that one produces in acting according to choice and decision”. In proposing such an interpretation, Anscombe relies less on a philological or contextual analysis, but rather is guided by her own intuitions.

Keywords: history of philosophy, rational reconstruction, Anscombe, Aristotle, practical truth

For citation: Sanzhenakov, A.A. “‘Istina, kotoruyu sozdayut’, ili istoriya filosofii po Elizabet Enskom” [‘Truth that one produces’ or the history of philosophy by Elizabeth Anscombe], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 2, pp. 80–93. (In Russian)

References

- Anscombe, G.E.M. *The Collected Philosophical Papers, Vol. 1: From Parmenides to Wittgenstein*. Oxford: Blackwell, 1981. 141 pp.
- Anscombe, G.E.M. *Metaphysics and the Philosophy of Mind: Collected Philosophical Papers, Vol. 2*. Minneapolis: University of Minnesota, 1981. 239 pp.
- Anscombe, G.E.M. “Practical Truth”, *Logos: A Journal of Catholic Thought and Culture*, 1999, Vol. 2, No. 3, pp. 68–75.
- Anscombe, G.E.M. “Sovremennaya filosofiya morali” [Modern Moral Philosophy], trans. by A.Z. Chernyak, ed. by P.S. Kuslii, *Logos*, 2008, No. 2 (64), pp. 70–91. (In Russian)

- Anscombe, G.E.M. *Intention*. Cambridge: Harvard University Press, 2000. 94 pp.
- Aristotle. "Fizika" [Physics], trans. by V.P. Karpov, in: Aristotle, *Sochineniya* [Collected Works], Vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., 1981, pp. 58–262. (In Russian)
- Aristotle. "Metafizika" [Metaphysics], trans. by M.I. Itkin, in: Aristotle, *Sochineniya* [Collected Works], Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1976, pp. 64–367. (In Russian)
- Aristotle. "Nikomakhova etika" [Nicomachean Ethics], trans. by N.V. Braginskaya, in: Aristotle, *Sochineniya* [Collected Works], Vol. 4. Moscow: Mysl' Publ., 1983, pp. 53–293. (In Russian)
- Broadie, S. & Rowe, C. *Aristotle: Nicomachean Ethics. Translation, Introduction and Commentary*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 480 pp.
- Broadie, S. *Ethics with Aristotle*. New York: Oxford University Press, 1991. 462 pp.
- Hume, D. "Traktat o chelovecheskoi prirode" [A Treatise of Human Nature], trans. by S.I. Tsereteli, in: D. Hume, *Sochineniya* [Collected Works], Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1996, pp. 53–326. (In Russian)
- Lear, G.R. *Happy Lives and the Highest Good: An Essay on Aristotle's Nicomachean Ethics*. Princeton: Princeton University Press, 2004. 238 pp.
- Mothersill, M. "Anscombe's Account of the Practical Syllogism", *The Philosophical Review*, 1962, Vol. 71, No. 4, pp. 448–461.
- Olfert, C.M.M. "Aristotle's Conception of Practical Truth", *Journal of the History of Philosophy*, 2014, Vol. 52, No. 2, pp. 205–231.
- Orlov, E.V. *Filosofskii yazyk Aristotelya* [Philosophical language of Aristotle]. Novosibirsk: SO RAN Publ., 2011. 317 pp. (In Russian)
- Pakaluk, M. "The Great Question of Practical Truth, and A Diminutive Answer", *Acta Philosophica*, 2010, No. 19, pp. 145–160.
- Rorty, R. "Istoriografiya filosofii: chetyre zhanra" [Historiography of Philosophy: Four Genres], trans. by I.D. Dzhokhadze, in: I.D. Dzhokhadze, *Neopragmatizm Richarda Rorti* [Neopragmatism of Richard Rorty]. Moscow: URSS Publ., 2001, pp. 180–198. (In Russian)
- Russell, B. "On the notion of cause", in: B. Bussell, *Mysticism and Logic, and Other Essays*. London: Longmans, Green and Co., 1918, pp. 180–208.
- Sanzhenakov, A.A. "Dve istiny Aristotelya i teoriya intentsional'nosti Dzh. Serlya" [Aristotle's Two Truths and John Searle's Theory of Intentionality], *Yuzhnyi Polyus. Issledovaniya po istorii sovremennoi zapadnoi filosofii*, 2016, Vol. 2, No. 1–2, pp. 39–47. (In Russian)
- Volf, M.N. (ed.) *Filosofiya i ee istoriya. Diskussii* [Philosophy and its History. Discussions]. Novosibirsk: Ofset TM Publ., 2021. 239 pp. (In Russian)
- Volf, M.N. "Diskussii ob istorii filosofii: XX vek" [Discussion about History of Philosophy: XX century], *Istoriya i filosofiya nauki v epokhu peremen* [History and Philosophy of Science in the Time of Change], Vol. 5, ed. by I.T. Kasavin, T.D. Sokolova, N.S. Avtonomova et al. Moscow: ROIFN Publ., 2018, pp. 24–27. (In Russian)